

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IV (XVIII)
Международной конференции молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)

Выпуск 18

Том 2. Литературоведение

Издательство Томского университета
2017

Пантюхина А.И., ТГУ, аспирант

Pantuyuhina A.I., TSU, graduate student

Мифологии персонажей в романе В. Шарова «Воскрешение Лазаря»

Mythology of the characters in the novel by V. Sharov "The Resurrection of Lazarus"

В исследовании рассматривается система мифов персонажей романа В. Шарова «Воскрешение Лазаря» (2002) об исторической реальности (прошлого, настоящего и будущего). Центральный сюжет романа – познание опыта прошлых поколений – открывает тот факт, что индивидуальные мифы «отцов» свидетельствуют о наличии метаисторического смысла русской истории, в том числе, о значимости испытания «коммунистическим проектом», дающим мученический опыт нации.

The investigation focused on the mythology of the characters in V. Sharov's novel «The Resurrection of Lazarus» (2002) about historical reality (past, present and future). The central plot of the novel – the cognition of the experience of past generations – reveals that the individual myths of the "fathers" testify to the existence of the metahistorical meaning of Russian history, including the significance of communist experiment that gives the martyr's experience of the nation.

Ключевые слова: мифологии; постмодернистский роман; метафизика; демифологизация

Key words: Mythology, postmodern novel, metaphysics, demythologization

Научный руководитель: Рыбальченко Татьяна Леонидовна, канд. филол. наук, доцент.

Роман В. Шарова «Воскрешение Лазаря» (2002), как и другие произведения писателя, рассматривает русскую историю XX века как детерминированную национальным мифологизирующим сознанием, которое устанавливает метафизическую обусловленность исторического процесса и метафизический смысл разных форм сопричастности русских людей к сакральному миру. Центральный сюжет романа – познание смысла истории России XX века поколением, выросшим в СССР, и в 1990-е годы (события современности датированы 1994 годом), после кризиса советской системы, оказавшимся перед необходимостью национального, исторического самоопределения. Это поколение – не субъекты истории, не жертвы советской системы, в отличие от их отцов, и обращение к их опыту обусловлено не критикой, а этическим чувством вины за прошлые страдания и попыткой найти метафизический смысл их жертв и устремлений, оказавшихся бессмысленными в новой исторической ситуации

Некий безымянный рассказчик в 1994 году пишет своей дочери письма, в которых воскрешает образ своего отца, писателя Лазаря, и познаёт смысл его жизни в воспоминаниях, в чтении его текстов. Работа над архивами отца наталкивает рассказчика на исследование судьбы поколения «отцов», времени становления новой истории (1910-1930-х годов). Познание оборачивается

созданием мифа об отцах-мучениках и отцах-идеалистах, они наделяются высшим знанием, в которое верили творцы мифов и истории в начале XX века, а их потомки, лишённые новой мифологии, делают мифы отцов сакральными (воскрешая мифы, они готовы буквально воскресить отцов). Как заметила И. Скоропанова¹, история у Шарова – это нарратив, рассказы людей, живущих идеями, а не исторической реальностью, эти мифы персонажи стремятся воплотить в истории, т.е. мифы, имеющие корни в прошлом, обращены в будущее. Новым поколением мифы не отвергаются (как представление о ложности коммунистического проекта), а корректируются, рождая новые мифологии. Все исторические мифологии в романе даны в восприятии ненадежного рассказчика.

Под мифами (мифологиями), следуя за Р. Бартом, мы понимаем нарратив, «деформирующую реальность», но призванную дать ей объяснение. Миф укоренен в феноменальности жизни, но бесконечно воспроизводится², при этом индивидуальные мифы обречены стать коллективными, получить статус признания в массовом сознании. В романе В. Шарова представлено множество мифов, возникших в революционное время как индивидуальные версии настоящего, в то же время опиравшихся на глубокую традицию национальных религиозных и культурных мифов, на сакральные и апокрифические тексты, что объясняет эклектический изменчивый характер мифологий персонажей. Во-вторых, в романе выявляется роль мифов в мотивации образа жизни, выбора идеологий и поступков персонажей; при этом последствия власти мифов в исторической реальности становятся их проверкой: сюжет романа открывает симулятивность исторического сознания в России. История России чревата стремлением реализовать мифы как сверх-идеи, и потому индивидуальные мифы массового сознания становятся коллективными, мотивируют катастрофические исторические события. Религиозный характер мифов определяется верой как в чудо исторического избавления (избавления от истории), так и в богоборческое стремление человека доделать или исправить сотворённый неидеальный мир. В первом случае ожидание божественного промысла объясняет необходимость терпения и смирения, во втором случае муки принимаются как условие избавления от зла.

В центре поколения «отцов» – жертвы репрессий, братья Кульбарсовы, носители религиозного сознания, период их становления пришелся на конец XIX – начала XX вв., с одной стороны, времени богоискательства в России, а с другой, параллельного утверждения революционного сознания, возможности изменения человеком социального мира. Религиозность братьев нельзя назвать церковной, они получают университетское гуманитарное образование, связанное с учениями русских философов – В. Соловьева, Н. Фёдорова, Н. Бердяева, В. Розанова и др. В. Шаров акцентирует эстетический, игровой, идеалистический характер интереса к метафизике Бога: в детстве братья придумывают себе монастырь, подвиги во имя Христа, уходят в леса, но и устраивают больницы и школы для крестьян. Подобная игровая модальность демифологизирует сакральный смысл идей и целей братьев, их мессианского мифа. Братья выбирают разные

пути спасения и возвращения земной истории к метафизической предзаданности. Старший брат Фёдор становится священнослужителем Феогностом (оба имени носят знак апелляции к божественной воле: «божий дар» и «знающий Бога»), младший, Николай («победитель народа»), выбирает мирскую жизнь, цель которой – собирание народа для приближения спасения Богом или русским народом, свидетельством его страданий. Судьбы братьев, их мифы накладываются (рассказчиком, персонажем Николаем Кульбарсовым) на библейский сюжет Каина и Авеля, которые представили два пути служения Богу: невмешательство в созданный им мир (пастух Авель-Феогност) и преобразование земной жизни (земледелец Каин-Николай). При этом богоборчество Каина становится началом истории как строительства человеком земной жизни. Следовательно, наказанный жизнью Каин не менее Авеля исполняет волю Создателя, делая очевидной ложность человеческих деяний, умножающих страдание и приближая человечество к признанию сакральной воли в конце земной истории.

Система персонажей в романе примыкает к этим двум персонажам своими мифами о спасении, мифами об объяснении абсурда реальной советской истории. При всём многообразии мифологий их можно свести к полюсам, обозначенным мифологиями двух братьев. Во-первых, это мифы о персональном духовном спасении при неучастии в реальной истории, мифы, имеющие корни в исихазме, объясняющие необходимость подготовки души к спасению, оправдывающие терпение к земному неидеальному миру связаны с сюжетом Феогноста, образами юродивых, доктора Ганнушкина, ученика Феогноста Лапотьки. Во-вторых, это мифы, близкие гностицизму сомнению в подлинности сотворённого мира, мифы, оправдывающие богоборчество несовершенством реальности. Эти мифы близки как господствующей в Советской России государственной идеологии (идеологии коллективного создания идеального мира людьми), так и национальному утопическому сознанию (идеи Н. Фёдорова, К. Циолковского), и эсхатологическому национальному гуманистическому сознанию: возможность продолжения творения мира на гуманистической и научной в основе (в романе – это мифы Николая, чекиста Спирина, адвоката Судобова, селекционера Халюпина и др.). Провокационная идея В. Шарова – схождение сторонников и противников насильственной истории, оправдание социального абсурда мифами о достижении идеального мира в конце истории, хотя «субъект спасения» различен: человек или Бог.

Мифологизированное сознание порождается реальностью, непонятной и приносящей страдания, несоответствие реальности ожиданиям порождает идеи её изменения или преодоления. В культуре персонажи берут идеи, которые отвечают их пониманию действительности, что и приводит к большему отрицанию реальности, мифологизации жизни. Персонажи живут не в истории, а в метаистории, где земная история телеологична, завершится признанием Творца и его мира, и человечество будет спасено, избавится от несовершенства жизни. При различии и эклектизме мифологий персонажей, они строятся как варианты достижения Царствия Небесного после искупления индивидуальных и общих грехов, после суда. Как заметила

И. Ащеулова, эсхатологический сюжет в романе, когда второе пришествие Христа заменяется повторением ситуаций страдания, уничтожения и воскрешения, созидания: отмена крепостного права, революция, репрессии, конец СССР и создание новой России, доказывает представление В. Шарова об истории как круге, бессмысленной повторяемости³.

Три ключевых мифа интерпретируются в наррации и реализуются в сюжете романа: миф о преобразовании жизни (либо богоборческий, либо основанный на данном Богом праве продолжать творение); миф об индивидуальном спасении в духовном очищении от скверны мирской жизни; миф о мученичестве как искуплении греховной жизни.

Богоборческий миф в романе представлен не только атеистами и носителями коммунистической гуманистической доктрины, что человек – субъект мира. Этот миф о создании идеального будущего создают чекисты. В. Шаров показывает, как в национальном сознании возникали проекты совершенствования не только социума, человека, но и материи бытия. Коммунистические идеи были приняты нацией, потому что получали оправдание в гностической идее о подмене Божьего мира миром Демиурга, о незавершённости Творения мира и человека, а, следовательно, о праве и миссии человека доделать мир. Николай Кульбарсов, в отличие от чекистов, стремится не уничтожить противников идей, а объединить «избранных», достойных спасения Богом. Задача такого народа – приблизиться к метафизическому образцу для начала новой жизни после прихода мессии. Кульбарсов думает о приближении спасения, но не толкает народ на действия: он ждёт избавления. Поэтому его собиранье народа выдуманно, реально Коля не путешествует по России, не агитирует и не свидетельствует о страданиях народа. Мифологическому сознанию как будто дано понимание ложности проекта, но от мифов Кульбарсов отказывается только в конце жизни, в 1990-1991 гг.

Мифопорождающее действие разочарований в прежних мифах показывает история Халюпина. Толстовец, он в послереволюционные годы увидел последствия насильственной общинности в советских коммунах. Но разрушение социального мифа толкает его к онтологическому мифу о достижении изобилия с помощью науки, селекции, изменения природы. Халюпин становится последователем Мичурина, выращивает в Сибири дерево «райское дерево», прототип изобилия, созданного человеком.

Мифы Кульбарсова о способах прихода к более совершенной жизни показывает идеализм и максимализм метафизического русского сознания, пренебрежение законами реальности во имя сакральных ценностей. Коля часто нарушает логику размышлений, обращаясь то к одним идеям, то другим. Например, он понимает народ как упрощение человека: Бог создал человека, а народ рождается человеком. Но народ, соединившийся вокруг высокой идеи, может стать избранным народом, спасающим человечество. Русский народ достоин стать избранным, поскольку терпел страдания, приближающие к святости, к знанию Бога.

Большое влияние на оправдание революционных мифов метафизическим замыслом (Богом) оказывает миф профессора Серёгина о том, что человек создан Богом для познания возможностей созданного мира. Тогда история в понимании Бога – это право на эксперимент людей. В частности, мессианство Христа толкуется Серёгиным как возможности человека спасти мир и людей, совершенствовать мир. Шаров сюжетно дискредитирует мифы персонажей: спор Николая и Феогноста есть соперничество за женщину; путешествие по России обусловлено попыткой бегства от ГПУ, как и игра в безумие Феогноста, мистификация путешествия по России; битва с братом на Ходынском поле и др.

Миф об индивидуальном спасении воплощен в сюжете Феогноста, в его иллюзии, что спасение возможно только в устранении от действительности, неподчинении её правилам. И, несмотря на то, что Феогност управляет Епархией, он сомневается в социальной практике религиозного спасения, приходит к пониманию, что невозможно выстоять в противостоянии государству (он участвовал в расколе церкви). Он формирует миф о себе в обществе, имитируя юродство (разыгрывая с помощью психиатра сумасшествие). В. Шаров дискредитирует миф о безумии как приближении к метафизическому знанию, и в финале романа реальное помрачение сознания (инсульт) показывает угасание мыслящего человека.

Миф о мученичестве основан на представлении о сакральности добровольной жертвы человека Богу. Дискредитация этого мифа достигается тем, как исполняют этот миф чекисты, добиваясь абсолютной покорности народа. Это дискредитируется в ситуации сакрализации чекистов народом, когда все мучения XX века понимаются людьми как искупительная жертва, которая должна привести к завершению истории. Таким образом, В. Шаров даёт мифологизированному сознанию оценку трагического заблуждения, осложняющего реальную историю.

¹ Скоропанова И. Деконструкция исторического нарратива в романе В. Шарова «До и во время» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7: Версии истории в литературе XX века. Томск: изд-во Том-го ун-та, 2005. – С. 177.

² Барт Р. Мифологии // Избранные работы. Поэтика. Семиотика. М.: Прогресс, 1994. – С. 129.

³ Ащеулова И.В. Сюжет «Второпришествие Христа» в романах В. Шарова // Сибирский филологический журнал. – 2016. – №2. – С.122.

Плотникова Ю.В., АГУ, магистрант

Plotnikova Y.V., ASU, master student

Медные и безголовые всадники Апокалипсиса: интертекстуальные особенности рассказа Т. Толстой «Ураган».

The bronze and headless horsemen of the Apocalypse: the intertextual peculiarities in «Hurricane» by T. Tolstaya.